

**анна
гавальда**

**anna
gavaldà**

la consolante

**анна
гавальда**

утешительная
партия игры
в петанк

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Г12

Anna Gavalda
LA CONSOLANTE

Печатается с разрешения издательства Éditions Le Dilettante
и литературного агентства Anastasia Lester.

Перевод с французского
Олега Воскобойникова и Марии Архангельской
Оформление обложки *Екатерины Фerez*

Гавальда, Анна.

- Г12 Утешительная партия игры в петанк : [роман] / Анна Гавальда ; [пер. с фр. О. Воскобойникова, М. Архангельской]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 544 с. — (Современная французская проза).

ISBN 978-5-17-107727-3

Шарль Баланда — преуспевающий архитектор сорока шести лет. Живет в Париже с любимой женщиной — красавицей Лоранс — и ее дочерью Матильдой. Много работает, редко бывает дома, всего добился собственным трудом, спокойный, рассудительный, кирпичик за кирпичиком выстраивает и обустраивает свою жизнь. В общем-то все у него как положено, да и сюрпризов в таком возрасте ждать не приходится. Но однажды он получит письмо, которое застигнет его врасплох. Письмо из прошлого, о котором он и думать забыл, и как же далеко оно уведет его с проторенного пути...

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-107727-3

© Éditions Le Dilettante, Paris, 2008
© Воскобойников О., перевод, 2009
© Архангельская М., перевод, 2009
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Пусть это эгоизм
и иллюзия
с моей стороны,
но эта книга,
Шарль, для вас.*

Он всегда держался в стороне. Где-то там, за оградой школьного двора, подальше от нас. Лихорадочный взгляд и скрещенные на груди руки. Скорее даже сцепленные, судорожно сжатые. словно ему холодно или у него болит живот. словно он ухватился за самого себя, чтобы не упасть.

Не обращал на нас никакого внимания, словно вообще не замечал. Высматривал одного-единственного мальчика, крепко прижимая к груди бумажный пакетик.

Я прекрасно знал, что в пакетике булочка с шоколадом, и всякий раз думал, не раздавил ли он ее, сжимая...

Да, таким он мне и запомнился: бродяга бродягой, косые взгляды прохожих, пакетик из булочной, да маленькие жирные пятнышки на лацканах пиджака блестят, словно нечаянные медали.

Не чайные...

Но... Только вот как я мог об этом в то время знать?

В то время я просто его боялся. У него были слишком остроносые ботинки, слишком длинные ногти, слишком желтый указательный палец. И слишком яркие губы. И слишком узкое и короткое пальто.

И глазницы слишком черные. И голос слишком странный.

Когда он наконец нас замечал, то улыбался и раскрывал объятия. Молча склонялся к Алексису, трепал его по волосам, по плечу, по щеке. И пока моя мама решительно тянула меня к себе, я завороченно пересчитывал кольца на руке, касавшейся лица моего приятеля.

По кольцу на каждом пальце. Настоящие кольца, красивые, драгоценные, как у моих бабушек... Именно в этот момент мама в ужасе отворачивалась, а я отпускал ее руку.

Алексис, нет, он не отстранялся. Никогда. Протягивал ему свой ранец и ел припасенную для него булочку, свою булочку, ел на ходу, удаляясь вместе с ним в сторону Рыночной площади.

Алексис со своим инопланетянином на каблуках, балаган-ным чудищем, шутом гороховым, чувствовал себя в большей безопасности, чем я, и любили его тоже больше.

Так мне казалось.

И все-таки однажды я его спросил:

— А, гм, это... это все же мужчина или женщина?

— Ты о ком?

— Ну о том... или... о той... что забирает тебя из школы.

Он пожал плечами.

Конечно, мужчина. Вот только называл он его своей нянькой.

И, кстати, она, эта его нянька, обещала ему принести золотые кости, и он, так и быть, обменяет мне их на этот мой шарик, если я захочу или... смотри-ка, что-то нянька сегодня опаздывает... Надеюсь, она не потеряла ключи... Потому что, ты знаешь, она вечно все теряет... Она часто говорит, что однажды забудет свою голову у парикмахера или в примерочной супермаркета, а потом смеется и добавляет, что, к счастью, у нее есть ноги!

Ну конечно мужчина, разве не видно.

И что за вопрос...

Никак не могу вспомнить его имя. А между тем это было нечто...

Имя, опереточное, мюзик-холльное, напоминающее потертый бархат и холодный табачный дым. Что-то вроде Жижи Ламур, или Джино Керубини, или Рубис Долороза, или...

Уже не помню и злюсь, что не помню. Я в самолете и лечу на край света, я должен заснуть, мне нужно хоть немного выспаться. Я принял снотворное. У меня нет выбора: если я не усну, то просто сдохну. Я так давно не смыкал глаз... и я...

Я правда сдохну.

Но ничего не помогает. Ни таблетки, ни грусть, ни бесконечная усталость. Более тридцати тысяч футов над землей, так высоко в пустоте, я все еще, как дурак, ворошу плохо прогоревшие угли, пытаюсь оживить почти угасшие воспоминания. И чем сильнее я раздуваю костер, тем сильнее у меня щиплет глаза, и я уже ничего не вижу и все ниже наклоняюсь, стоя на коленях.

Соседка уже дважды просила меня погасить мою лампочку. Простите, не могу. Это было сорок лет назад, мадам... Сорок лет, понимаете? Мне нужен свет, чтобы вспомнить имя этого старого трансвестита. Это гениальное имя, которое я, естественно, забыл, потому что тоже звал его Нянькой, Нуну*. И тоже обожал. Потому что так уж у них повелось: там обожали.

Нуну, появившийся в их нескладной жизни однажды вечером после дежурства.

Нуну, который баловал нас, портил, кормил, хвалил, утешал, искал у нас вшей, проводил сеансы гипноза, заколдовывал и расколдовывал тысячу раз. Гадал нам по рукам, на картах, обещал, что мы будем жить как султаны, короли, богачи, сулил нам жизни в бархате и шелках, в сапфировом блеске и ароматах амбры, в истоме и изысканной любви, и Нуну, однажды утром из их жизни ушедший.

Трагически. Как положено. Как ему полагалось. У них все так воспринималось — как должное.

Но я... нет, потом. Я расскажу об этом позднее. Сейчас у меня нет сил. И нет желания. Я не хочу сейчас снова их потерять. Мне хочется посидеть еще немного на спине моего пластмассового слоника, заткнув кухонный нож за набедренную повязку, и чтобы Нуну звенел своими цепочками, накрашенный и нарядный, как из кабаре «Альгамбра».

Мне нужно поспать, и мне нужна моя лампочка. Мне нужно все, что я растерял по дороге. Все, что они дали мне и забрали обратно.

* Нуну (Nounou) — няня (франц.).

Да еще испортили...

Потому что именно так у них, безбожников, было заведено. Такое кредо, такой закон. Там обожали, ссорились, плакали, танцевали всю ночь, зажигая все вокруг.

Все.

Ничего не должно оставаться. Совсем ничего. Никогда. Горечь во рту, нахмуренные, надломленные, перекошенные лица, кровати, пепел, осунувшиеся люди, долгие слезы и бесконечные годы одиночества, но никаких воспоминаний. Никаких. Воспоминания — они для других.

Для слабаков. И бухгалтеров.

«Лучшие праздники, поверьте мне, зайчики мои, наутро забываются, — говорил он. — Лучшие праздники — они здесь и сейчас. А утром от них не остается и следа. Утро наступает, когда ты сноваходишь в метро и получаешь по полной программе».

И она. Она. Она все время говорила о смерти. Все время... Чтобы победить свой страх, чтобы уничтожить ее, эту мерзавку. Она-то как никто знала, что ждет нас всех, она не могла этого не знать, она этим жила, и потому надо было терзать друга, любить, пить, кусать, наслаждаться и все забывать.

«Жгите, мальчишки. Жгите все подряд».

Это ее голос, и я... все еще его слышу.

Вот дикари.

Он не может погасить лампочку. Не может закрыть глаза. Он рехнется, нет, он уже рехнулся. Он знает это. Неожиданно видит свое отражение в темном иллюминаторе и...

— Мсье... С вами все в порядке?

Стюардесса трогает его за плечо.

Почему вы меня бросили?

— Вам плохо?

Ему хочется сказать ей, что нет, он в порядке, не стоит, спасибо, все с ним хорошо, но он не может: он плачет.

Наконец-то.

- I -

Начало зимы. Субботнее утро. Аэропорт Шарль де Голль, терминал 2Е.

Белесое солнце, запах керосина, страшная усталость.

— Вы налегке, без чемодана? — спрашивает меня таксист, подходя к багажнику.

— Почему? С чемоданом.

— Видать, он хорошо спрятан!

Он смеется, я озираюсь.

— О нет!.. Я... видно... это... забыл его на транспортере...

— Сходите, я подожду!

— Ну его. Сил нет... я... да бог с ним...

Он уже не смеется.

— Хм! Но вы же не оставите его, а?

— Потом заберу... Все равно послезавтра обратно... Я тут уже, можно сказать, поселился... Да нет... Поехали... Неважно. Сейчас не хочу возвращаться.

Эй, гоп-гоп, мой Боже, я примчусь к Тебе... на коне!

Оу-йе, да-да, на коне!

Эй, гоп-гоп, мой Боже, я примчусь к Тебе... на велосипеде!

Оу-йе, да-да, на велосипеде!

— надывается магнитола в «Пежо-407» у Клоди А'Бгуахана номер 3786 (его лицензия приклеена скотчем к спинке переднего сиденья).

Эй, гоп-гоп, мой Боже, я примчусь к Тебе... на воздушном шаре!

Оу-йе, да-да, на воздушном шаре!

— Надеюсь, вас духовные песнопения не раздражают? — спрашивает он, глядя на меня в зеркальце заднего вида.

Я улыбаюсь.

Эй, гоп-гоп, мой Боже, я примчусь к Тебе... на реактивном самолете!

С подобными-то хоралями не рановато ли мы утратили веру в Бога?

Оу-йе!

О нет...

— Нет-нет, нормально. Спасибо. Все отлично.

— Откуда прилетели?

— Из России.

— Ух ты! И холодно там?

— Очень.

Мне бы так хотелось быть дружелюбнее к себе подобным, но увы... Виноват, признаю, да, хоть на это я еще способен: не могу.

Чувство вины гложет.

Я слишком очерствел, измотан, изнурен и грязен — просто непригоден к общению.

Чуть дальше, на съезде с магистрали:

— Вот скажите мне: вы в Бога верите?

Черт побери. Господи. Надо же было так влипнуть...

— Нет.

— Знаете, а я это сразу понял. Как увидел, что вы вот так бросаете свой чемодан, так и подумал: в Бога он не верит.

— Не-ве-рит! — повторяет он, постукивая по рулю.

— Не верю... — признаюсь я.

— А Бог-то ведь есть! Он здесь! Он повсюду! Он указывает нам, куда...

— Нет-нет, — прерываю я его, — там, откуда я вернулся... там Его нет. Точно. Уверяю вас.

— Это почему же?

— Там такая нищета...

— Так ведь Бог среди нищих! Бог творит чудеса, вы знаете?

Бросаю взгляд на спидометр: 90. Из машины не выскочить.

— Взять хотя бы меня... Кем я был раньше?.. Да никем! — Он занервничал. — Пил! Играл! С женщинами спал! Да я уже на человека был не похож, понимаете?.. Полное ничтожество! Но Господь позвал меня. Поднял с земли, словно цветочек, и сказал: «Клоди, ты...»

Я никогда не узнаю, что там наболтал ему Всевышний. Я заснул.

Когда мы подъехали к дому, он тронул меня за колено.

На оборотной стороне счета значился точный адрес рая: церковь Обервилье, улица Сен-Дени, 46—48. С 10.00 до 13.00.

— И не откладывайте, в ближайшее же воскресенье приходите. Просто скажите себе: если я сел в эту машину, это не случайно, потому что случайностей... *(он делает большие глаза)* не бывает.

Стекло справа от водителя опущено, и я наклонился, чтобы попрощаться с моим пастырем:

— Так, значит... э-э-э... Вы теперь... это... больше не спите... с женщинами вообще?

Он широко улыбается:

— Только с теми, которых посылает мне Господь...

— И как вы их узнаете?

Улыбка становится еще шире.

— Они самые красивые...

Всему-то нас учили наперекосяк, размышлял я, толкая дверь подъезда. Вот я, я только тогда был искренен, когда говорил себе: «Я не достоин принять Тебя».

И в это я действительно верил.

А ты, *гон-гон, да-да, ты* — поднимаясь на пятый этаж по лестнице, я с ужасом понимал, что эта чертова песня прилипла ко мне, — *на такси, да-да, на такси*.

Оу-йе.

Дверь закрыта на цепочку, и эти последние десять сантиметров, из-за которых я не мог попасть в квартиру, окончательно вывели меня из себя. Я приехал черт знает откуда, я столько всего натерпелся, самолет опоздал немилосердно, и все это при деликатном попустительстве Господа Бога. У меня сдали нервы.

— Это я! Откройте!

Я орал и дубасил в дверь:

— Да откройте же, черт подери!

Нос Снупи показался в дверном просвете.

— Эй, ты чего? Успокойся, не надо так волноваться...

Матильда сняла дверную цепочку, посторонилась и, когда я переступил порог, уже повернулась ко мне спиной.

— Добрый день, — сказал я.

Она ограничилась тем, что подняла руку, вяло пошевелив пальцами.

*Enjoy** — гласила спина ее майки. Как же! В это мгновение мне сильно захотелось схватить ее за волосы и врезать ей как следует, чтобы заставить повернуться и смотреть мне в глаза, когда я говорю ей эти два слова, которые для нее, видимо, давно потеряли всякий смысл: добрый-день. Но потом, эх... Я плюнул. К тому же дверь в ее комнату уже захлопнулась.

Меня неделю не было, послезавтра опять уеду, ну и... К чему все это?..

Какая разница? Ведь я тут проездом, разве не так?

Я вошел в комнату Лоранс, которая вроде бы была и моей. Кровать застелена идеально, на одеяле ни складочки, подушки взбиты, пузаты, надменны. Грустны. Я прошел вдоль стены и присел на самый край кровати, чтобы ничего не помять.

Я уставился на свои ботинки. Довольно долго на них смотрел. Потом взглянул в окно: кругом одни крыши, крыши да Валь-де-Грас вдалеке. Перевел взгляд на ее одежду на спинке кресла...

* Наслаждайся (*англ.*).

Ее книги, бутылка воды, записная книжка, очки, сережки... Все это наверняка что-то значило, но я уже не очень понимал, что именно. Больше не понимал.

Взял с ночного столика одну из упаковок с таблетками.

Nux Vomica ЖСН, проблемы со сном.

А, вот оно что, проскрипел я, поднимаясь с кровати.

Nux Vomica. Рвотный орех.

Все было как всегда, но с каждым разом все хуже. Полное отчуждение. Уже и берегов-то не видно...

Ну хватит, оборвал я себя. Ты устал и порешь чушь. Кончай.

Вода обжигала. Открыв рот и зажмурившись, я ждал, когда она смоев налипшую на меня дурную чешую. Холод, снег, темень, автомобильные пробки, бесконечные споры с кретином Павловичем, заведомо проигранные сражения и все эти взгляды, которые я до сих пор чувствовал на себе.

Этого типа, который вчера запустил мне в лицо каской. Слова, которые я не понимал, но смысл которых без труда угадывал. Стройку, с которой я явно не справлялся. По многим причинам...

И зачем только я в это влез? И вот, пожалуйста! Теперь я не мог найти даже собственную бритву среди всей этой косметики! Апельсиновая кожа, болезненные регулы, блеск, плоский живот, жирная себорея, ломкие волосы.

И к чему вся эта дрянь? Зачем?

Кому все это нужно?

Я порезался и отправил весь этот хлам в мусорное ведро.

— Эй... Я вот думаю, может, тебе кофе сварить?

Матильда стояла на пороге ванной, скрестив руки и небрежно опираясь о дверной косяк.

— Хорошая мысль.

Она смотрела на пол.

— Э-э-э... Да... Прости, я уронил тут кое-что... Я сейчас... не беспокойся...

— Да нет. Я не беспокоюсь. Ты ведь все время нам что-нибудь такое устраиваешь.

— Чего?